

Цэнь Сяо медленно убрал руку. Ли Жун выпрямился, бессознательно проведя кончиком языка по нижней губе, словно стараясь продлить послевкусие этого момента.

Объёмный звук в зале создавал надёжную завесу, так что сидящие впереди Линь Цинь и Цзянь Фу ничего не заметили. Линь Цинь, поправив очки, замороженно смотрел на экран, изредка что-то шепча себе под нос. Как человек, уже сделавший первый шаг в мир киноиндустрии, он подходил к просмотру с профессиональным интересом.

Мультфильм выбирал Цзянь Фу, который, очевидно, кое-что смыслил в комедиях. Услышав бормотание друга, приятель тут же принялся назидательно давать пояснения, то и дело тыча пальцем в сторону экрана.

Линь Цинь терпел, глубоко вздыхая, но в конце концов не выдержал и попытался зажать собеседнику рот. Он и так нервничал из-за готовящегося сюрприза, и лишь фильм помогал ему немного отвлечься, а бесконечная болтовня Цзянь Фу над самым ухом сбивала с толку и заставляла переживать ещё сильнее.

Тот, обладая отличной реакцией, увернулся и самодовольно хмыкнул:

— Решил напасть со спины? Не выйдет, я, вообще-то, тоже тренируюсь.

Линь Циню оставалось лишь со вздохом покачать головой.

— Помолчи, а? — взмолился он вполголоса.

Приятель вскинул брови и вдруг, вытянув руку, по-дружески приобнял его за шею, притягивая к себе.

— Слушай, что ты такой колючий в последнее время? Даже у мировых звёзд характер попроще будет.

Юноша не вкладывал в этот жест силы — обычная мальчишеская возня. Но Линь Цинь, никогда не участвовавший в подобных потасовках, совершенно не ожидал такого напора. Врезавшись лицом в его грудь, он мгновенно вспыхнул до самых корней волос.

— Да перестань ты уже! — Линь Цинь с трудом высвободился и сердито оттолкнул его руку.

Цзянь Фу озадаченно посмотрел на свою ладонь и недовольно скривился.

«Будущие звёзды и впрямь из другого теста», — мысленно отметил он.

Стоило признать, что тренировки по сценическому движению не прошли для Линь Циня даром. Если у остальных его знакомых плечи и спины были широкими и угловатыми от вечных тренировок в зале, то этот парень обладал удивительной гибкостью и статью. Он не выглядел хрупким — скорее, в каждом его движении чувствовалась та гармония, когда каждая мышца находится ровно на своём месте.

Ли Жун перевёл взгляд с друзей на экран. Анимационные комедии его никогда особо не трогали, а из-за того, что он пропустил завязку сюжета, созерцание прыгающей панды быстро ему наскучило.

— Торт в коридоре запасного выхода? — спросил он так тихо, что услышать его мог только Цэнь Сяо. — Я чувствую запах сливок.

Цэнь Сяо, которому фильм был интересен не больше, чем собеседнику, увидев, что Ли Жун сам заговорил первым, понял: в этом вопросе они наконец-то достигли единодушия. Понимая, что скрывать что-то от именинника бесполезно, он коротко подтвердил:

— Угу.

Староста откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу, едва заметно покачивая носком ботинка.

— А подарок Линь Циня, небось, под сиденьем? Он как зашёл, всё время оглядывался — переживал, наверное, чтобы сотрудники ничего не напутали и я раньше времени не заметил.

— В последнем ряду, — уточнил Цэнь Сяо. — Это картина, довольно большая, вот он и нервничал, что не удастся её спрятать.

Ли Жун задумчиво прикусил губу.

— Моя мама обожала современное искусство, а отец — классику. У нас дома картины вечно спорили друг с другом: слева — традиционный пейзаж, справа — какая-нибудь абстракция из проволоки и болтов. Со временем я к этому привык. Жаль, что всё это конфисковали и пустили с молотка... Вряд ли я когда-нибудь их снова увижу.

Цэнь Сяо пристально посмотрел на него и негромко произнёс:

— У тебя ещё будут картины.

Ли Жун улыбнулся:

— Я к тому, что благодаря родителям люблю и то, и другое. Линь Цинь очень старался, так что

мне придётся изобразить искренний восторг.

На этот раз Цэнь Сяо не ответил, вновь уставившись на экран. Ли Жун, сдерживая улыбку, опёрся локтем о подлокотник и чуть придвинулся к нему.

— Цзянь Фу наверняка и не вспомнил бы про мой день рождения. Он просто хвостиком ходит за другом: помогает там, где нужно... зал вот, вероятно, забронировал.

— Ты неплохо его изучил, — заметил Цэнь Сяо.

— Но тебя я знаю недостаточно, — тут же подхватил Ли Жун. — Я всё гадал, что же ты решишь подарить и как преподнесёшь.

Он придвинулся ещё ближе, барабанил пальцами по кожаному подлокотнику. В его глазах светилось неприкрытое любопытство. Он помнил, как на дне рождения Сун Юаньюань в шутку спросил Цэнь Сяо, что тот планирует на семнадцатое ноября. Тогда они не были так близки, и Ли Жун просто поддразнивал его. Но сейчас ему действительно было интересно, что приготовил спутник.

Тот повернул голову и замер. Они были так близко, что чувствовали дыхание друг друга. В глубине глаз Цэнь Сяо плескалось нечто сложное и тёмное.

— У меня есть вопрос, — медленно проговорил он. — Если ответишь честно, я скажу, какой подарок подготовил.

Ли Жун невольно сглотнул, а его пальцы крепче вцепились в подлокотник. Они замерли, глядя друг другу в глаза. Воздух между ними словно выкачали насосом, стало трудно дышать.

В голове Ли Жуна пронеслось множество мыслей.

Он не знал, о чём именно догадывается Цэнь Сяо, ведь у него хватало тайн, да и историю с перерождением так просто не объяснишь. Он кожей чувствовал, как их тщательно выстроенные границы начинают колебаться.

Цэнь Сяо не стал томить его ожиданием и спросил в лоб:

— Ты ведь знаешь, что я собираюсь поступать в Девятый район?

Ли Жун испытал странное облегчение. Этот вопрос не был для него ловушкой, и Цэнь Сяо не коснулся темы, которая могла бы действительно загнать его в угол. Иначе он вряд ли смог бы остаться до конца откровенным.

Ли Жун глубоко вдохнул и кивнул:

— Знаю. Ян Фанфан проболталась, когда приносила уведомление по программе «Выдающиеся таланты».

Видимо, его спокойная реакция на шрамы собеседника не прошла незамеченной. Он не боялся выдать классную руководительницу — Цэнь Сяо явно не из тех, кто станет мстить учителю за длинный язык.

Но раз уж карты были раскрыты, Ли Жун решил не скрывать и своих сомнений.

— Мне вот тоже любопытно: зачем тебе Девятый район? Для тебя Третий район — идеальный вариант, хочешь ли ты занять место Цэнь Цина или просто жаждешь власти и славы.

Напряжение в его пальцах исчезло, а на смену мимолётному волнению пришёл испытующий, почти агрессивный взгляд. Цэнь Сяо не спешил с ответом. Он чуть отстранился и, сцепив пальцы на коленях, спросил:

— Что тебе известно об этом месте?

— Немного, — Ли Жун помолчал, собираясь с мыслями. — Хоть район и числится при Объединённой торговой палате, изначально его создали как надзорный орган по инициативе обычных людей и малого бизнеса. Девятый район независим и от Палаты, и от Института Хунсо. Они ежегодно проводят внезапные проверки, и если вскрываются махинации, то призывают к полному бойкоту нарушителя. Внутри организации царят суровые законы: контроль сверху донизу и снизу доверху. Даже сотрудники вечно ходят по лезвию ножа. Их главное подразделение — отряд «Призрачный глаз». Там не смотрят на стаж или связи, там ценят талант. Считается, что новички, не успевшие завязнуть в интригах, более беспристрастны. Но если кого-то поймут на коррупции — вышвыривают без тени жалости.

Цэнь Сяо кивнул и добавил:

— Девятый район прославился на всю страну, когда первый начальник отряда «Призрачный глаз» самолично отправил собственного сына за решётку. Тот по пьяни надругался над первокурсницей из Университета А, приняв её за свою девушку. Когда протрезвел — каялся, предлагал деньги, даже девчонка была готова забрать заявление. Многие советовали начальнику замять дело, предлагали помощь. Но он не пошёл на сделку. Собрал все улики и добился срока по статье об изнасиловании. Его потом самого проверяли вдоль и поперёк, но выяснилось, что Хань Цзян чист как стёклышко и никогда не покрывал нечестных дельцов. С тех пор в Объединённой палате их боятся как огня. Перед начальником отряда «Призрачный глаз» трепещут даже председатели торговых палат и директора Хунсо.

Ли Жун не знал этой истории, и теперь понимал, почему в глазах общества этот район стал синонимом истины и правосудия. Однако он смутно припоминал, что в его прошлой жизни там

случился крупный скандал.

Это произошло примерно в тот год, когда он сам попал в Институт Хунсо. Прежний начальник отряда, Хань Цзян, внезапно ушёл в отставку при весьма туманных обстоятельствах. Его место занял не опытный заместитель, а Ду Минли — блестящий выпускник Университета А, пришедший в район всего за четыре года до этого. Ду Минли был уже немолод, до службы он успел поработать в финансах, праве, медицине и журналистике — поразительно, как за десять лет можно преуспеть в столь разных областях. Поговаривали, что ему просто стало скучно, и он решил бросить себе вызов, поступив в Девятый район в зрелом возрасте. У него не было за спиной влиятельной семьи, он был «человеком из народа». Именно эта чистота биографии и помогла ему возвыситься.

Ходили слухи, будто Ду Минли нашёл на Хань Цзяна какой-то компромат и сдал его группе внутренней проверки. Но странно было другое: прегрешения бывшего начальника так и не предали огласке. Девятый район, вопреки своим принципам, предпочёл просто стереть его имя из истории. Никто так и не узнал правды. При Ду Минли репутация района как «бездушной машины правосудия» немного смягчилась — его манеры и смирение подкупали людей.

Если посчитать, выходило, что Ду Минли решил поступать в Девятый район в тот же год, что и Цэнь Сяо сейчас. Ли Жун внимательно посмотрел на соседа.

Случайность ли это? Неужели Цэнь Сяо, отказавшись от перспектив в Третьем районе, метит напрямик в кресло начальника «Призрачного глаза»? В прошлой жизни Ду Минли сдал экзамены с лучшим результатом и сразу возглавил третью группу. Он был самым ярким новичком своего времени. Но если теперь в игру вступит его нынешний собеседник, чьё имя в итоге окажется на вершине?

— Ты... — Ли Жун запнулся. Он не знал, как объяснить Цэнь Сяо, что статус сына председателя Палаты станет для него одновременно и мощным щитом, и мишенью на спине. В Девятом районе под ногами всегда будет тонкий лёд.

Цэнь Сяо посмотрел перед собой и со всей серьёзностью произнес:

— Ли Жун, слушай внимательно. Мой подарок на твой день рождения...

Стрелка часов медленно приближалась к семи вечера. В этот миг город окончательно скрылся за горизонтом, солнце ушло, и небо над ним погрузилось в абсолютную тьму. До рассвета оставалось ещё слишком долго, тепло дневного света бесследно растворилось, и под покровом облаков поползла влажная прохлада.

Ли Жун почувствовал странный трепет. Он никогда не видел Цэнь Сяо таким — в его взгляде читалась не просто серьёзность, а решимость человека, поставившего на кон всё. На ладонях Ли Жуна выступила испарина, сердце забилось чаще. В этом тёмном, закрытом зале его вдруг охватило забытое чувство смятения.

Он приоткрыл рот, собираясь окликнуть спутника по имени. И тогда он услышал тихий, бархатистый голос:

— Теперь ты можешь использовать меня в своих целях... как тебе угодно.

<http://bllate.org/book/15351/1423464>